

Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия д. 5
Доцент кафедры философии и культурологии Востока
Шуйский филиал Ивановского государственного университета
155908, Россия, Шуя, Кооперативная ул. д. 24
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Россия, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская, 25/14
Ведущий научный сотрудник
Доктор культурологии, доцент
ORCID: 0000-0002-5009-1110
E-mail: a.alekseev-apraksin@spbu.ru

ЭТНОСОФИЯ*

Предмет исследования данной статьи – функциональное измерение этнософии в её актуальном социокультурном статусе. Этнософия – это неоднородный феномен. В наши дни наблюдается обращение к этнософии как способу самозащиты людей от глобальной неопределенности, и как стратегии выживания и самосохранения больших и малых этнокультурных сообществ. Этнософия сегодня используется и как технология брендинга, позиционирования и коммерческого продвижения «этно...» мест, персон, товаров и услуг. Представлена она и как формирующееся трансдисциплинарное научное направление. Культурологический подход и компаративный анализ, позволяют утверждать необходимость различения, как минимум трех модусов современной этнософии: 1) как способ опоры и возвращения к культурным корням – аутентичную этнософию, 2) как конструирование востребованных на глобальном рынке «этнических локалитетов» и «товарной многокультурности» – мифодизайнерская этнософия и 3) как направление культурно-философской рефлексии – научную этнософию.

Бурное развитие цифровых технологий в последнюю четверть века приводит к виртуализации повседневности. Голосовые помощники, умные дома и машины, и бесконечный поток фото-, видео-, аудио-фиксаций и комментариев обо всем на свете – всё

Данная типология призвана внести некоторую упорядоченность в изучение сложного неоднородного феномена, маркируемого в современном научном дискурсе понятием «этнософия». В ходе осуществления дальнейших аналитических процедур в изучении этнософии как объекта культурологии и философии культуры представляется возможным не только выявить особенности и специфику того или иного конкретного этноса, но и прояснить онтологические основания культуры. Этнософские осмысления форм выживания, рекреации, коммуникации и самоактуализации. Именно эти направления этнософской мысли представляются автору наиболее перспективными объектами для дальнейших исследований.

Ключевые слова: метакультура, реальная виртуальность, doomscrolling, новая архаика, модальности этнософии, кыпчаки, Горный Алтай, мифодизайн, этнокультура.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 22-18.00018 «Этнософия Алтая: идеология и мифология национального сознания» (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН).

это погружает значительную часть человечества в релятивное пространство метакультуры¹. Эта ситуация далеко не всеми воспринимается как благополучная. Да, жизнь становится всё

¹ См. Алексеев-Апраксин, А.М., Соколов, Б.Г. Метакультура: кластер и сеть. Евразия. 2023. – 448 с.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

более комфортной и в бытовом плане более удобной и предсказуемой, но, верно, и то, что люди дезориентированы потоками информации: противоречивой, манипуляторской, запутывающей. Это порождает множество экзистенциальных проблем нашей повседневности. Одна из последних – doomscrolling: болезненное внимание к ленте трагических новостей. Способные к саморефлексии люди понимают, что не в состоянии повлиять на происходящее, и, тем не менее, «маниакально» следят за событиями, что приносит иллюзию контроля, но в реальности «рвёт сердце» или погружает в оцепенение от созерцания разверзшегося ящика Пандоры: катастроф, вирусных атак, самоизоляции, конфликтов, санкций, военных новостей и прочих человеческих несчастий.

Что с этим делать и куда бежать? В океанном информационными сетями мире перемещение в пространстве не многое решает. Если же цель побега – обретение покоя и равновесия, очевидно, нужны не дополнительные сведения, а информационный детокс. Что касается маршрута, то в метафизическом плане бежать всегда есть куда. Человек обладает роскошью направиться к самому себе, в свою внутреннюю жизнь, где всегда есть чем заняться. Другое популярное направление – самоактуализация в традиции, «возвращение к корням». В пространстве метакультуры, речь идёт не обязательно о традициях той культуры, в которой рожден. Это может быть культура, которая получает во внутреннем ощущении наибольший отклик, так сказать, «родная культура» по выбору. Открытость знаний и современное образование позволяет нам сделать это более-менее осознанно. В любом случае, ход в традиционную культуру, позволяет снизить скорость проживания жизни, он также вводит человека во внятную систему смысловых и ценностных ко-

ординат, которых ему так не хватает в информационном глобальном мире. В качестве бонуса, человек, как правило, получает набор актуальных способов контакта с природой, живое общение с единомышленниками, а также простую содержательную наполненную гармонией жизнь.

Следует отметить, что, если ранее, этнические традиции интересовали лишь тех, кто их наследовал или людей, чья деятельность была так или иначе профессионально связана с сохранением культуры (работники музеев, научных и учебных заведений, фольклористы и т.д.), то сегодня эта ситуация изменилась. К традициям, как источнику силы и обновления, начинают обращаться те, кто готов к революционным изменениям, устремлен в будущее и хочет перемен. Новаторы, увлеченные синтезом разнотью культурного, а также пассионарные инфлюенсеры, указующие последователям на новые горизонты, обнаруженные ими в глубинах тех или иных народных представлений. Поток такого рода активности действительно набирает силу, что косвенно подтверждается и статистикой Яндекса, в которой слова «народ», «вера», «мир» в последнее время входят в число топовых запросов.

Рост интереса к этническим темам проявляется в художественных жестах и повседневных практиках, направленных на обнаружение новизны в прорыве к архаике, будь то ретро-дизайн, этно-фестивали или проекты исторических реконструкций. В независимости от контекста и тематики, вокруг этно-традиций сегодня возникает множество реальных и виртуальных солидарностей. Даже креативный класс, по умолчанию занятый инновациями и совершенствованием технологий мифодизайна в социальной, экономической и идеологической сфере. Даже он, занимаясь «созиданием буду-



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

щего» постоянно обращается (в содержательном наполнении проектов) к древности, к архетипам, к самобытной экзотике. Мировоззренческую основу всем этим феноменам обеспечивает этнософия, которая формирует смысловые поля и множит разнообразие стратегий выживания, рекреации и самоактуализации.

Модальности этнософии

Если понимание дефиниций «народная культура», «традиционная культура», «этническая культура» ни у кого не вызывает затруднений, то про понятие «этнософия» такого не скажешь. Это что? Мировоззрение, технология или направление мыследеятельности? Результаты проведенных исследований показывают, что и то и другое, и третье. Как справедливо отмечает О. А. Янутш: «... на данный момент отечественная этнософия существует в двух модальностях: как вариант самодеятельной, национальной философии, выступающей в качестве объекта анализа и рефлексии для философии культуры и культурологии, и как находящееся на стадии своего институционального оформления новое академическое направление исследований, отражающее общие изменения в научной картине мира»².

Изучение конкретных феноменов, которые можно маркировать как этнософские, позволяет обнаружить, что первая из выявленных модальностей состоит из двух вполне самостоятельных и самобытных направлений. Одно из них – это практика сохранения традиционных знаний (мифологии, эпоса, традиционного уклада, народных праздников, а также мировоззренческой, символической и прикладной специфики). Строго говоря, практика по сохране-

нию найденного – это одна из фундаментальных основ культуры. Здесь возможен вопрос о смысле бытия, тем более, что наряду с практиками инновационного разрушения и трансгрессии она обеспечивает выживание культуры. В современных реалиях понесенных этнокультурных утрат, помимо сохранения традиций, актуальной становится и практика их реконструкции. Так или иначе – это исконное направление мысли и деятельности, направленное на сохранение национальных культур и этнокультурной идентичности.

Второе направление этнософской практики – мифодизайн. Это уже порождение массовой культуры. В основе данного направления лежат маркетинг и менеджмент, направленные на расширение спроса и предложений этнотоваров и этно-услуг. Здесь формируются широкие лояльности и солидарности, организуются масштабные транскультурные проекты, проходящие под лозунгами «сохраним этнокультурное своеобразие», «исчезающие традиции», «популярная эзотерика» и много разного с приставкой «этно-...». Развитие этого направления этнософии связано с тем, что современное общество потребления нуждается в разнообразии ассортимента во всех сферах, включая те, что можно отнести к духовной жизни. Это актуально и востребовано. Что касается идеологического и стилистического оформления данного направления то они во многом были заложены ещё теософией, антропософией, последователями Рериха, а к концу XX века всё это оказалось дополнено и расширено западными движениями New Age, Rainbow People, Dance of Universal Peace и другими спроектированными солидарностями. Таким образом, представляется справедливым различать: 1) этнософию как способ возвращения к культурным корням, 2) этнософию как мифодизайнерское конструиро-

² Янутш, О.А. Этнософия: сто лет в поисках себя // Общество. Среда. Развитие. – 2022. – № 4. – С. 11–14. DOI 10.53115/19975996_2022_04_011–014



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

вание и 3) этнософию как направление научных исследований.

Аутентичная этнософия

Как было отмечено выше, один из модулей этнософии направлен на сохранение аутентичности, на диалог поколений, формирование идентичности, а также на реконструкцию и восполнение естественных и искусственных утрат наследования. Эта работа ведется в каждую эпоху. Она защищает этнические сообщества от растворения в других культурах или более масштабных идеологиях и постепенного исчезновения. Выполняя охраняющие функции, этнософия формирует внутренний и внешний образ народа. Адаптирует наследие к общей исторической трансформации реальности. Выступает исконным мировоззрением, которое подается изложению от первого лица. Другими словами – это стихийная и не системная попытка сформулировать общую этническую картину мира и увязать в ней отдельно сохранившиеся концепты, поверья, образы, обычаи, компенсируя имеющиеся разрывы и лакуны интуитивными умозаключениями носителей данной идентичности.

В этом качестве этнософия, осмысляя исторически накопленный опыт в его этнокультурной специфике, позволяет удерживать найденные и завещанные предками способы приспособления к окружающей среде и эффективные методы выживания народа. Речь идет не только о жизнеобеспечивающих практиках, но также о символическом и трансперсональном уровнях бытования культуры. Эта мудрость веков пронизывает музыкальные и художественные традиции, систему питания, фасоны одежды, украшений, формы причесок, жилья и быта, этические нормы, ценности и мифотворческие горизонты запредельного. В традиционной

культуре почти нет ничего случайного³. Её сохранение – это не легкий, но благодарный труд. Многое из найденного ранее, несмотря на свою архаичность и сейчас помогает людям выжить, например, в случае отключения сетей электропитания или других систем жизнеобеспечения. Для жителей Ямала, Тувы, горных районов Кавказа, Саян, Алтая и других удаленных регионов, для людей, продолжающих заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности всё это наполнено непреходящей целесообразностью. Проводимые интервью с хранителями традиций показывают, что даже имея доступ к современным технологиям, они пользуются ими крайне избирательно, испытывая больше доверия к проверенному поколениями опыту. Это отношение распространяется на ремёсла, промыслы и прочие практики хозяйственной деятельности: оленеводства, бортничества и т.п. Отметим, что в России все выявленные практики народного творчества, как и места проживания народов, поддерживающих традиционные виды жизнедеятельности учтены в специализированных реестрах и регулируются на законодательном уровне. Под охраной закона находится всё, что обеспечивает традиционный образ жизни. Малочисленные народы получают дотации. Оберегается государством и культурно освоенный ареал этно-сообществ с учётом сезонных маршрутов животноводов, охотников, собирателей, рыболовов, а также священные и рекреационные места их постоянной и временной дислокации.

Что касается воззрений народов на себя и мир в целом, то в эту сферу нынешняя власть не вмешивается. Это хорошо, поскольку именно

³ Венкова, А.В., Степанов, М.А. Нематериальное культурное наследие в современных визуальных искусствах российской федерации / Энциклопедия нематериального культурного наследия России. – М.: Институт наследия им. Д. С. Лихачева, 2022. – С. 251–254.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

здесь в полной мере реализуется их мифотворческий потенциал. Например, народ кыпчаки, появившийся на Алтае⁴ и распространившийся вплоть до Волги, проживает сегодня в Казахстане, Омской, Оренбургской, Челябинской, Курганской, Новосибирской, Тюменской областях, а также в Ногайском районе Дагестана. Все они: монгол-кыпчак, тумат-кыпчак, казах-кыпчак, тарга-кыпчак, барс-кыпчак, сары-кыпчак, ак-кыпчак, кара-кыпчак, тумат-кыпчак, котон-кыпчак и сураз-кыпчак и другие пытаются сохранить наследие прошлого, искренне гордясь своими тамга́ (родовыми фамильными знаками). Несмотря на цивилизованность и технологическую продвинутость, своё происхождение и свой национальный характер кыпчаки по-прежнему связывают с волком. Существом в их представлениях в высшей степени благородным. Ведь для кыпчаков он олицетворяет свободу, бесстрашие и чистоту (так как не питается падалью). Он также воплощает преданность семье (поскольку волк сам воспитывает детей и сохраняет верность партнёру). Эти и другие представления связываются в этнософском сознании с детскими сказками, легендами, мифологической топологией и хронологией⁵, что в итоге определяет поведение людей, делает более осознанными проводимые ими обряды, объясняет обычаи, определяет быт. Кыпчаки с удовольствием поведают, что их священное дерево – Бай-кайынг – берёза, которая символически связана с верхним небесным миром Ёлгения. Отметим, что на Алтае это дерево почитают как родовое не только кыпчаки, но и сёоки майман, иркит, комдош. Конечно, сегодня вряд ли кто-

⁴ Его представители сегодня проживают в Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском районах Республики Алтай и других районах, и областях.

⁵ Малинов, А.В. Современная «Алтайская хронология». Этнософские заметки // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и естественные науки. – 2013. – № 3 (179). – С. 99–106.

то защищается от молнии в грозу березовой веткой, положенной на таган⁶. Но на берёзы по-прежнему повязывают белые ленточки, и многие полагают, что срубить её можно лишь в исключительных случаях, например, для изготовления колыбели для новорожденного, проведения свадебного обряда или для особых шаманских ритуалов. При этом, прежде чем срубить дерево человек входит с ним в контакт как с живым существом, просит у него прощения, подносит ему молоко. Кто-то скажет, что соблюдение подобных суеверий – наивно, архаично и не логично. Пожалуй, да, но, ведь, этнософия на логичность и не претендует. В своем аутентичном модусе она направлена на другое: на восстановление разрушенной цивилизацией целостности, на ненаучное, но оттого не менее ценное, метафизическое обоснование полноценной этнокультурной жизни.

Служа самоопределению и самоорганизации народа, его интеллектуальной и властной элите этнософия воплощается порой в весьма причудливых формах, таких как организация профсоюзов сибирских знахарей или создание тувинцами подобия поликлиник, где прием ведут специалисты-шаманы. Можно иронизировать по поводу современных форм культурных диффузий, но следует также признать, что пока традиция жива, она нуждается в адаптации к общим социокультурным изменениям и может себе позволить инновации. Сохраненные функции этнософии, хорошо видны в её содержательном наполнении традиционных промыслов и ремёсел. Глубина истории каждого из них разная, но опирались они всегда на местное своеобразие, ведь в основе промыслов, будь то: обработка дерева, камня, кости, глины, металлов и прочих

⁶ Железный обруч на ножках, служащий подставкой для котла использующийся для приготовления пищи на открытом огне.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

природных материалов – природное богатство места обитания. В отличие от индивидуальной авторской работы художников, создающих декоративно-прикладное искусство, народные промыслы связаны с особым укладом жизни, уникальными способами передачи практических и символических знаний, когда, например, исполнение песни во время работы синхронизирует процессы изготовления предметов. Связаны промыслы и с пестованием местных традиций, выработкой особого этнического представления о красоте и гармонии. Как известно, в России до наших дней сохранились сотни самобытных промыслов: улетская резьба по кости, адыгейское золотое шитьё, скопинская керамика, войлочные истанги, кубачинские ювелирные изделия и многие другие⁷. Всё, что не поставлено на конвейерное производство, изготавливается вручную традиционными способами, всё это нуждается в этнософии, без которой утрачивает свою целостность и аутентичность. Описанный тип этнософии – это онтологический способ самосохранения этноса и его культуры.

Мифодизайнерская этнософия

Это направление этнософии в настоящее время развивается преимущественно в сфере массовой культуры, полагаясь на синтез этники с популярными форматами транснациональной культуры общества потребления. Создателями этой этнософии выступают идеологи и кураторы проектов, ориентирующиеся на технологии брендинга, маркетинга и связей с общественностью. То есть, большая часть такого рода проектов – это либо «социальная эхалахия» либо

«самоидентифицированство»⁸. Как следствие, такие проекты более заметны в информационном поле, но не так глубоко содержательно. По сравнению с аутентичной этнософией, здесь больше эксперимента и «художественной безответственности», ведь, основная ставка здесь делается на достижение популярности. В основу подобного рода проектов ложатся мировоззренческие коллажи из традиций, нанизанных на глобальные тренды. Например, в 2017 году во Владикавказе появился музыкальный лейбл Najime Records, на котором записывают свои альбомы Miyagi, Эндшпиль, TumanYO, KADI, HLOY, Castle, Ollane. В основе музыкального творчества этих артистов международное хип-хоп движение, с ярко проявленным осетинским мелосом и национальным колоритом. Другой пример, проекты «New Asia» и «Altyn Taiga» в которых популярная электронная музыка дополняется алтайским сакральным горловым вокалом, известным как «кай». Такие проекты, безусловно, важны, поскольку вызывают глобальный интерес и позволяют преодолеть внутри России стереотипы об отсталости или провинциальности того или иного народа. Однако, главное в этих проектах не аутентичность, а актуальность темы и новизна впечатлений, ведь, в этой ипостаси этнософские проекты призваны прежде всего развлечь публику, принести в жизнь приятное разнообразие. С точки зрения потребителя – это рекреационный модус этнософии.

Мифодизайнерская этнософия отягощена и возложенными на неё местными властями культурно-просветительскими функциями. Ведь для того, чтобы повысить престиж регио-

⁷ Познакомиться со многими из них можно на интерактивной карте промыслов народов Российской Федерации. <https://www.culture.ru/s/narodnye-promysly-rossii> (дата обращения 15.02.2023)

⁸ См. Тульчинский, Г. Л. Total Branding: мифодизайн постиндустриального общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. – С. 184–192.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

на и улучшить эффективность национальных воспитательно-образовательных мероприятий необходимо привлечь к ним внимание, а это успешнее происходит в популярных форматах. Здесь происходит своего рода социальная инженерия. Продвинутые национальные элиты, понимая ограниченность официоза, осуществляют захват эмоциональной сферы, соблазняя ориентированную на глобальные тренды молодежь посредством всё тех же мифодизайнерских технологий. Они спонсируют или организуют этно-фестивали, лекции, мастер-классы, проводят масштабные народные праздники, устраивают состязания в национальных видах спорта (экзотические для стороннего наблюдателя турниры, такие как разбивание рукой хребтовой кости «Һээр шаалган» или прыжки через нарты и т.д.). Мифодизайнерская этнософия обеспечивает всему этому содержательное сопровождение. Она питает смыслами национальную публицистику и этно-блоги, символически обогащает этнографические выставки искусств и ярмарки ремёсел.

Выступает этот модус этнософии и в качестве рекламно-идеологической поддержки паломнического, историко-культурного, гастрономического и прочего туризма. Например, после обнаружения Н. В. Полосьмак на Алтае хорошо сохранившегося курганного могильника Ак-Алаха с мумией женщины, археологи услышали от местных шаманов, что это прародительница алтайцев Ак-Кадын (Белая Госпожа), защищавшая народ от зла, исходящего из нижнего мира. Это привлекло внимание мифодизайнеров с подачи которых весь мир узнал о «Принцессе Укока». Хотя, судя по научным исследованиям, она не была принцессой и алтайкой тоже, но это не важно. Овеянный мистическими тайнами информационный повод был подхвачен и раскрыт журналистами ВВС,

ДТВ, ОРТ⁹ и прочими СМИ. Постепенно находка символически обогатилась сверхъестественными качествами, дополнилась мифами о циклопах, волшебных птицах, стерегущих золото, она начала идентифицироваться с эпической богатыркой Очи-Бала и т.д. С нарушением целостности могильника, мифотворцы стали связывать природные катаклизмы и социальные бедствия Горного Алтая. В итоге, мистическое плато Укока стало знаменитым паломническим центром, привлекающим современных магов, шаманов и многочисленных туристов-эзотериков из разных стран. Так, стихийная мифодизайнерская этнософия играя на стереотипах создает основы для брендинга территорий. Задействуется она и в работе с электоратом, а играющим в последователей «особого духовного пути» она обеспечивает навигацию и мировоззренческие горизонты. Кто бы как к этому не относился – это не пустяк.

Ещё одна эйкумена мифодизайнерской этнософии – этно-солидарности, национальные общины и диаспоры крупных городов. Физически оторванные от традиционных корней горожане, даже недавние, нередко обращаются к этнософии ради обретения или демонстрации своей «особости» и значимости. Мотивом здесь выступает поиск контактов с соплеменниками или пространства для свободного действия или уникальной ниши. Обращение к этническому мифодизайну, в такой ситуации, не только приносит чувство удовлетворения носителям той или иной идентичности, но и обеспечивает интерес к ним со стороны окружающих, создает оно и конкурентные рыночные преимущества. Это работает, однако, следует признать, что отношение к традиции как привлекательному

⁹ Наиболее известный продукт мифодизайнерской этнософии — «Месть Алтайской принцессы» фильм, который позиционировался как научно-популярный и документальный, производства Альфа-фильм. Автор Алена Жаровская.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

объекту с определенными правилами игры и поведением, не требующим вовлечения в исконную практику и мировоззрение, вполне способно подарить индивиду ощущение обретения вневременных качеств, но, по сути, не выводит его за рамки этно-айдентики и духовного материализма. Здесь возникает хорошо известная философом и культурологом ситуация псевдоморфоза, когда внешняя оболочка наполняется не свойственными данной форме содержаниями¹⁰. Резюмируя сказанное отметим, что этнософская активность, реализуемая в мифодизайнерском направлении, позволяет продвигать этнокультурное своеобразие на просторах интернет и в социальных сетях, помогает обрести известность, друзей. Она способна работать как социокультурная инженерия, она может создать «гордость меньшинств», она увеличивает экономическую востребованность и дает возможность организовать связанный с этникой бизнес: информационный, образовательный, туристический, гостиничный, гастрономический, медицинский, разный. В этом её предназначение и сила.

Научная этнософия

Данное направление развития этнософии связано с профессионально осознанной необходимостью ряда ученых выйти за рамки дисциплинарной и позитивистской ограниченности этнографии и этнологии. Как справедливо отмечает Е.А. Волкова, «термин «этнософия» появился раньше самой науки»¹¹, ведь это понятие

¹⁰ Алексеев-Апраксин, А.М. Философические записки о псевдоморфизме современной этнокультурной жизни / Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2017, № 1. – С. 98–102.

¹¹ Волкова, Е.А. Современная отечественная историография этнософии // Гуманитарный акцент. – 2022. – №3. – С. 83.

как тему для осмысления и обсуждения, предложил использовать без малого сто лет назад ещё Н. С. Трубецкой. Он считал, что необходимо объединить географию, антропологию, археологию, этнографию и историю для выявления специфики народа и способов его самопознания. Дальнейший выход на заявленную проблематику мы находим в работах Д. К. Зеленина, известного своими трудами по сибирскому шаманизму¹² и А. Ф. Лосева глубоко раскрывшего диалектику мифа¹³. Благодаря историографическим исследованиям О.А. Янутш, мы можем вспомнить археолога В. И. Равдоникаса, предложившего различать описательную этнографию и исследования, выходящие на историко-культурную проблематику, именуемую среди прочего этнософией. Связанную с идеями этнософии трансдисциплинарную теорию пассионарности, этногенеза и биосферы земли¹⁴ разрабатывал Л. Н. Гумилев. Шпенглеровскую «физиогномику» культур привнес в этнософское понимание истории культуры Г. Д. Гачев¹⁵. Ведь он обратился к выявлению особенностей мировосприятия европейских народов и созданию их национальных образов. В своем последнем труде на этнософскую проблематику вышел и американский культурный антрополог африканист М. Херсковиц. Изучая присущую любым народам специфику представлений о должном и желаемом, он обращал внимание на наличие у каждого из них какой-то характерной особен-

¹² Зеленин, Д.К. Идеология сибирского шаманства // Известия АН СССР по отделению общественных наук, 1936. – С. 709–743., Зеленин, Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917–1934 гг. – М.: Индрик, 1999. – 348 с.

¹³ Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Издательство: Языки славянских культур. 2022. – С. 696.

¹⁴ См. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. В. С. Жекулина. 2 изд. испр. и доп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 496 с.

¹⁵ См. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо. 2008. – 544 с.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

ности, с которой культура этого народа у всех и ассоциируется¹⁶. «Этнософические портреты» характерны и для научного творчества В. В. Ванчугова, для которого, впрочем, этнософия – это прежде всего «народная философия». В контексте развития софийных дисциплин писал об этнософии М. Н. Эпштейн. Её особенность он определял следующим образом: «Если этнография, по смыслу своего названия, описывает этносы, их генезис, историю и культуру, а этнология исследует структуру их обычаев, традиций, ритуалов, то этнософия раскрывает связь всех элементов этой структуры с целостной метафизикой национальной жизни, её спиритуально-мистериальным центром»¹⁷. В работах Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева этнософия трактуется как социокультурная феноменология и как рефлексия этно-социальной жизни. На этнософскую проблематику, как актуальное направление мысли, в последние годы жизни вышел известный петербургский этнограф африканист В. Р. Арсеньев,¹⁸ который в 2008 году опубликовал «Манифест этнософии». В нём он, в частности, писал, что: «этнософия, в отличие от предполагаемого возможного инкриминированного ей родства с теософией, антропософией и прочими построениями, должна выступать как область материалистического знания, как дисциплина, претендующая на отражение, осмысление и интерпретацию объективного и материального мира. Этот мир доступен в ощущениях, образах и дефинициях, но он сущ и сам по себе, хотя и способен претерпевать преобразование в соответствии с человеческой деятельностью, не только в своем отраженном об-

разе, но и в реальном бытии»¹⁹. Именно к этому реальному многокультурному бытию обратился в своих исследованиях А. В. Малинов, увидевший в этнософии ключ к пониманию региональной специфики и саморефлексии народов Алтая, проявляющейся в многочисленных вариантах их этнокультурной и региональной идентичности. «Уникальность алтайской этнософии» – пишет он – «состоит в том, что, с одной стороны, она позволяет проследить процесс становления национального самосознания, а с другой, вбирает в себя различные интеллектуальные традиции, при помощи которых раскрывается, а во многом и задается современное алтайское мировоззрение. Надо заметить, что этнософия намеренно противопоставляет себя унифицирующему давлению массовой культуры. Обращение к народной традиции, «историческим корням», эпосу и шаманизму служат способом сохранения индивидуализирующей основы культуры, принципа культурного разнообразия»²⁰. Таким образом, в работах А. В. Малинова этнософия это не новая наука, как её мыслил В. Р. Арсеньев, а объект анализа и рефлексии для философии культуры и культурологии.

Решимость развития нового этнософского направления исследований понятна. Это следствие неудовлетворенности устоявшимися этнографическими, антропологическими и этнологическими подходами. Это результат разочарованности разрывами между живой культурой и устаревшими методиками её описания и изучения. Это выход на культурологическое понимание того, что наука всегда изучает об-

¹⁶ Herskovits, M. *Cultural Anthropology*. N. Y., 1955.

¹⁷ Эпштейн, М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение. 2017. – С. 96.

¹⁸ Арсеньев, В. Р. Манифест Этнософии // *Общество. Среда. Развитие*. – 2006. – № 1 (1). – С. 44 (36–44).

¹⁹ Арсеньев, В. Р. Базовые понятия этнософии. Подступы к формированию мировоззренческой альтернативы // *Общество. Среда. Развитие*. – 2008. – № 1 (6). – С. 100–116.

²⁰ Малинов, А.В. Экология культуры алтайской этнософии // *Studia Culturae*. – 2014. – № 22. – С. 107–115.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

щее, исследует повторяющийся опыт, в культуре же все неповторимо и индивидуально. Это убедительно показал ещё Генрих Риккерт, который разделял науки в соответствии с используемым в них методами абстракции – генерализующим (в естествознании) и индивидуализующим (в исторических науках). Жизнь этноса, каждого из носителей данной идентичности неповторима и уникальна. Это значит, что попытки применить естественнонаучные подходы к её изучению неизбежно приведут к непониманию её законов. Кроме того, не нужно доказывать, что и сама наука – это лишь часть культуры, несмотря на её претензию на объективность, она всегда на службе общекультурной парадигмы, зависит от больших и малых нарративов, вплоть до политико-экономической конъюнктуры и бытовых стереотипов. Понимая это, стремящиеся к созиданию этнософии исследователи видят и то, что живой контакт с представителями других культур, не вписывается в принятые исследовательские подходы столетней давности. Все эти понятия: «род», «племя» – это про кого, про тех, у кого аккаунты в нескольких глобальных соцсетях? Мир стал другим. Он метакультурен, инструментально и методологически подкован, иначе кластеризирован, по-другому коммуникативно и административно связан и к тому же на уровне персонального восприятия релятивен. И человек в этом мире зачастую потерян, охвачен сомнениями и недоверием. В этой ситуации, ратующие за формирование новой научной дисциплины, предлагают созидающий целостный взгляд на мир, жизнеутверждающее восприятие действительности, оптимистические научные перспективы с ориентацией на практику жизни и вдохновляющее целеполагание. Это важно, нужно и прекрасно.

Заключение

Историографические разработки научной этнософии, актуализирующие и реконструирующие этнософский дискурс, отличаются неоднородностью. Проведенные исследования коллег и личные наблюдения автора указывают на одно принципиальное различие в научных подходах к этнософской проблематике. Оно заключается в том, что для одних этнософия – это новая софийная наука, а для других – стихийное национальное самосознание, нуждающееся в философско-культурологическом изучении. В отношении создания новой дисциплины, целиком и полностью укладывающейся в исследовательское поле культурологии и философии культуры, пожалуй, следует высказать скепсис, поскольку не понятно: зачем множить сущности? В свою очередь – этнософия в качестве объекта исследования представляется вполне перспективным направлением. Это касается и мифодизайнерской этнософии, в которой созидаются новые синтетические формы метакультуры, и этнической аутентичной этнософии, в любом из её интеллектуальных мифотворческих откликов на вызовы современности. На этом пути, в ходе осуществления аналитических процедур обнаружения всеединства и всеразличия²¹ представляется возможным не только выявить интересные подробности о той или иной конкретной культуре, особенности какой-либо частной жизни, но и прояснить ее онтологические основания, этнософские осмысления форм выживания, рекреации, коммуникации и самоактуализации. Эти направления этнософской мысли представляются наиболее перспективными объектами для дальнейших исследований.

15

²¹ Алексеев-Апраксин, А.М. Всеединство и Всеразличие // Обсерватория культуры. – 2015. – № 2. – С. 20–23.



Анатолий Михайлович АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН

| Этнософия |

Список литературы

- Арсеньев, В. Р. Базовые понятия этнософии. Подступы к формированию мировоззренческой альтернативы // Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 1 (6). – С. 100–116.
- Арсеньев, В. Р. Манифест Этнософии // Общество. Среда. Развитие. – 2006. – № 1 (1). – С. 36–44.
- Алексеев-Апраксин, А. М. Философические записки о псевдоморфизме современной этнокультурной жизни // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2017. – №1. – С. 98–102.
- Алексеев-Апраксин, А. М., Соколов, Б. Г. Метакультура: кластер и сеть. – СПб.: Издательство Евразия. 2023. – 448 с.
- Алексеев-Апраксин, А. М. Всеединство и Всеразличие // Обсерватория культуры. – 2015 № 2. – С. 20–23.
- Венкова, А. В., Степанов, М. А. Нематериальное культурное наследие в современных визуальных искусствах российской федерации // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. – М.: Институт наследия им. Д. С. Лихачева, 2022. – С. 251–254
- Волкова, Е. А. Современная отечественная историография этнософии // Гуманитарный акцент. – 2022. – № 3. – С. 82–88.
- Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. – М.: Издательство Эксмо. 2008. – 544 с.
- Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. В. С. Жекулина. 2 изд. испр. и доп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 496 с.
- Зеленин, Д. К. Идеология сибирского шаманства // Известия АН СССР по отделению общественных наук, 1936. – С. 709–743.
- Зеленин, Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917–1934 гг. – М.: Индрик, 1999. – 348 с.
- Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Издательство: Языки славянских культур. 2022. – С. 696.
- Малинов, А. В. Современная «Алтайская хронология». Этнософские заметки (Modern Altaic Chronologie. Ethnosophy notes // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и естественные науки. – № 3 (179). – 2013. – С. 99–106.
- Малинов, А. В. Экология культуры алтайской этнософии // Studia Culturae. – 2014. – № 22. – С. 107–115.
- Тульчинский, Г. Л. Total Branding: мифодизайн постиндустриального общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. – С. 184–192.
- Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение. 2017. – 616 с.
- Янутц, О. А. Этнософия: сто лет в поисках себя // Общество. Среда. Развитие. – 2022. – № 4. – С. 11–14. DOI 10.53115/19975996_2022_04_011–014.



Anatoliy M. ALEKSEEV-APRAKSIN

| Ethnosophy |

Anatoliy M. ALEKSEEV-APRAKSIN

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034 Russian Federation

Associate Professor of Department of Philosophy and Culture of the Orient

Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya street, Saint-Petersburg, 190005 Russian Federation

Shuya branch of Ivanovo State University

24, Kooperativnaya st, Shuya, 155908 Russian Federation

Doctor of Science in Cultural Studies, Leading Researcher

ORCID: 0000-0002-5009-1110

E-mail: a.alekseev-apraksin@spbu.ru

ETHNOSOPHY

This article's subject of research is the functional survey of ethnosophy in its actual socio-cultural status. Ethnosophy is a heterogeneous phenomenon currently represented in numerous projects and manifestations. Nowadays, people use ethnosophical concepts as a means of self-protection from global indeterminacy, as the strategy of survival and self-preservation of big and small ethnocultural communities. Ethnosophy today is also used in the technology of branding, positioning, and commercial promotion of ethnic places, individuals, goods, and services. Scientifically, it is represented as a trans-disciplinary area of research in the process of formation. Using cultural and comparative analysis, one can assert the necessity to distinguish at least three modes of the contemporary ethnosophy: 1. As a method of relying upon and recurring to cultural roots, that is, the authentic ethnosophy; 2. In designing and constructing the ethnic localities and multicultural commodity flow, that is, mythos-designing ethnosophy; 3. As an area of cultural and philosophical reflection, that is, sci-

entific ethnosophy. This typology is called for some orderliness in the studies of a complicated, heterogeneous phenomenon labeled in the contemporary scientific discourse as ethnosophy. The future analytical procedures pertaining to studies of ethnosophy as a subject of cultural and philosophical research may fruitfully disclose a detailed picture of an ethnos with its particular features and specifics and clarify the general principles of culture. Ethnosophic reflections bring us to a new comprehension of survival forms, recreation, communication, and self-actualization. Exactly these perspectives of ethnosophical thought constitute the most promising directions for cultural self-awareness research.

Key words: real virtuality, doom-scrolling, new archaism, ethnosophy modality, Kypchak, Gorny Altai, mythos-design, scientific ethnosophy.

References

Arseniev, V. R. (2008) Basic concepts of ethnosophy. Approaches to the formation of a worldview alternative. Society. Wednesday. Development. 2008. No. 1 (6). 100–116. (In Russian)

Arseniev, V. R. (2006) Ethnosophy Manifesto Society. Wednesday. Development. No. 1 (1). 36–44. (In Russian)

Alekseev-Apraksin, A. M. (2017) Philosophical notes on pseudomorphism of modern ethno-cultural life / Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3: Economics, Humanities and Social Sciences. No. 1, 2017, 98–102 (In Russian)

letin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3: Economics, Humanities and Social Sciences. No. 1, 2017, 98–102 (In Russian)

Alekseev-Apraksin, A. M., Sokolov, B. G. (2023) Metaculture: cluster and network. Eurasia. 2023. 448. (In Russian)

Alekseev-Apraksin, A. M. (2015) All-Unity and All-Difference. Observatory of Culture. 2015. №2, 20–23. (In Russian)

Venkova, A.V., Stepanov, M.A. (2022) Intangible Cultural Heritage in the Contemporary Visual Arts of the Russian Federation Encyclopedia of the Intangible Cul-



Anatoliy M. ALEKSEEV-APRAKSIN

| Ethnosophy |

tural Heritage of Russia. M.: Heritage Institute. D. S. Likhacheva, 2022. 251–254. (In Russian)

Volkova, E.A. Modern domestic historiography of ethnosophy. Humanitarian accent. 2022. №3. 82–88 (In Russian)

Gachev, G. D. (2008) Mentality of the peoples of the world. Eksmo. 2008, 544 (In Russian)

Gumilyov, L.N. (1989) Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. Ed. V. S. Zhekulina. 2nd ed. correct and additional L. Publishing House of Leningrad State University. 496. (In Russian)

Herskovits, M. (1955) Cultural Anthropology. N. Y., 1955. 569.

Zelenin, D.K. (1936) The ideology of Siberian shamanism. Proceedings of the USSR Academy of Sciences in the Department of Social Sciences, 1936. 709–743. (In Russian)

Zelenin, D.K. (1999) Selected works. Articles on spiritual culture 1917–1934. M. Indrik, 1999, 348. (In Russian)

Losev, A.F. (2022) Dialectic of myth. Publisher: Languages of Slavic cultures. 2022, 696. (In Russian)

Malinov, A.V. (2013) Modern Altaic Chronologie. Ethnosophy notes. St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. № 3 (179), 2013. 99–106 (In Russian)

Malinov, A.V. (2014) Ecology of culture of the Altai ethnosophy. *Studia Culturae*. 2014. No. 22. 107–115. (In Russian)

Tulchinsky, G. L. (2013) Total Branding: mythodesign of post-industrial society. Brands and their role in modern business and culture. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2013. 184–192. (In Russian)

Epstein, M.N. (2017) Projective Dictionary of the Humanities. Moscow: New Literary Review. 616. (In Russian)

Yanutsh, O.A. (2022) Ethnosophy: a hundred years in search of oneself. *Society. Environment. Development*. 2022. 4. 11–14. DOI 10.53115/19975996_2022_04_011–014 (In Russian).

